

Исламская Республика Иран в поиске своего внешнеполитического «я»: революционное новаторство или преемственность?

Н.А. Кожанов, А.С. Богачёва

Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений имени Е.М. Примакова РАН

Большое значение в выработке внешнеполитической стратегии той или иной страны играет её самовосприятие на международной арене. Далеко не у всех государств получается ответить на вопрос «кто мы по отношению к другим?» В частности, прошедший XX век и первые десятилетия XXI века можно охарактеризовать как время поиска Тегераном своей внешнеполитической идентичности, который не закончен и сегодня. Несмотря на активно ведущиеся многие десятилетия дискуссии, иранская политическая элита не только не смогла найти одно определение своего внешнеполитического «я», но в ходе своих изысканий произвела на свет ещё несколько формул собственной идентичности, зачастую противоречащих друг другу, хоть и сосуществующих. Значительное влияние на процесс формирования иранской самоидентификации внесли события 1979 г., когда пришедшее к власти в ходе революционных потрясений новое руководство объявило об отказе от традиций шахского Ирана и построении новой «революционной» нации со своим особым внешнеполитическим «я». В статье проводится анализ основных тенденций, существующих в иранском внешнеполитическом самовосприятии, с целью подтвердить гипотезу о том, что «революционный эксперимент» не привёл к разрыву преемственности в вопросе иранской самоидентификации. Напротив, прослеживается попытка руководства страны совместить исламское, революционное и националистическое начала при определении роли своей страны на международной арене, что даёт основания говорить о многосоставности внешнеполитической идентичности современного Ирана.

Ключевые слова: Иран, исламская революция, шиизм в Иране, иранский национализм, паниранизм, доктрина вelayat-e faqih, исламизм

УДК: 327.5

Поступила в редакцию: 08.08.2019 г.

Принята к публикации: 15.02.2020 г.

Исламская революция 1978 – 1979 гг. в Иране, в результате которой власть в стране перешла к шиитскому духовенству, определила изменения, произошедшие в политической, экономической и культурной жизни государства в последней четверти XX – начале XXI вв. Опираясь на романтические революционные лозунги, руководство ИРИ во главе с аятоллой Р. Хомейни (1900 – 1989), а позже и его преемником аятоллой С.А. Хаменеи (род. 1939), попыталось построить общество социальной справедливости. При этом была поставлена задача, опираясь на исламские религиозные принципы, создать и реализовать на практике такую теорию государственного развития, которая могла бы стать альтернативой западным доктринам, использовавшимся шахом. Не могло это не сказаться и на иранской внешнеполитической самоидентификации, которая в первое десятилетие постреволюционного периода позиционировалась как революционная и отрицающая наследие предшествующего шахского периода. С тех пор в исследовательской литературе продолжается спор о том, чем является иранская внешнеполитическая идентичность – продуктом постепенной эволюции или результатом революционного эксперимента 1980-х гг. Авторы статьи попытаются дать свой ответ на указанный вопрос, проследив основные тенденции развития иранского самовосприятия в период 1979 – 2019 гг., а также уделив отдельное внимание анализу исторических корней иранского внешнеполитического «я», исходя из гипотезы эволюционного характера развития иранской самоидентификации.

Анализируя иранское внешнеполитическое «я»

Вопрос о том, какими видит других внешнеполитических игроков современный Тегеран и как он сам позиционирует себя на международной арене, привлекает внимание исследователей как в самом Иране, так и за рубежом. В России изучению иранской внешней политики традиционно уделяется особое внимание. Среди российских и советских авторов, в той или иной степени анализировавших отношения Тегерана с внешним миром с момента установления исламской республики в 1979 г., можно выделить следующий ряд исследователей (Агаев 1984; Алиев 2004; Арунова 2005; Кулагина 1996; Мамедова 2010; Ушаков 1997; Ушаков 1999; Федорова 2004; Юртаев 2012). Вместе с тем вопросу иранского самовосприятия уделено внимание в работах В. Ушакова, в которых подробно описан процесс формирования иранской внешнеполитической идентичности в 1980-е гг., а также в работах В. Юртаева (Ушаков 1997; Ушаков 1999; Юртаев 2012).

Именно В. Ушаков одним из первых указал на имеющиеся существенные расхождения между идеологическими заявлениями иранских руководителей и шагами Ирана на внешнеполитической арене, поставив вопрос о балансе идеологии и прагматизма в действиях руководства ИРИ (Ушаков 1997; Ушаков 1999). Он также отметил наличие нескольких мотивационных парадигм, взаимодействие которых не всегда очевидным образом определяло выработку тех или

иных внешнеполитических решений. Впрочем, монография В. Ушакова «Иран и мусульманский мир. 1979 – 1998» сконцентрирована на анализе отношений Ирана со странами Ближнего Востока и не выходит за эти географические пределы, не позволяя, таким образом, в полной мере продемонстрировать роль и место иранской идентичности в процессе выработки внешнеполитических решений. Также, будучи изданной в конце 1990-х гг., она естественным образом ограничена в своих временных рамках периодом 1980-х – первой половины 1990-х гг. (Ушаков 1999).

Другой попыткой глубокого анализа иранской внешнеполитической доктрины является докторская диссертация В. Юртаева, которая, несмотря на имеющиеся спорные утверждения, заслуживает внимания (Юртаев 2012). В своём труде автор прослеживает путь становления внешнеполитической доктрины ИРИ с 1979 по 2010 гг. В работе в научный оборот вводится значительный массив источников на персидском языке (относящихся, в первую очередь, к 1980-м – 1990-м гг.). Впрочем, автор концентрируется на изучении формальной стороны внешней политики Ирана, придавая большое значение официальным словам, доктринам и документам, в то время как это были далеко не единственные факторы, определяющие внешнеполитические шаги Тегерана.

В процессе подготовки статьи также был изучен ряд работ отечественных авторов, посвящённых проблеме концептуализации внешнеполитической идентичности. Особое внимание было уделено исследованиям И.С. Семененко (Идентичность... 2017), И.Л. Прохоренко (Прохоренко 2015), В.И. Пантина (Пантин 2011), а также В.И. Кудряшовой (Кудряшова 2012).

Значимыми для изучения проблемы явились работы иранских авторов, дискутирующих по вопросу внешнеполитической самоидентификации их страны. Среди наиболее интересных публикаций можно выделить следующие труды (Гарйаг-Занди 1995; Дехгани-Фирузабади 1988; Моулана, Моахммади 1987). Особое внимание стоит уделить работам профессора Университета им. Шахида Бехешти в Тегеране Дауда Гарйак-Занди (Гарйак-Занди 1995), который в одной из своих статей охарактеризовал процесс становления иранской внешнеполитической самоидентификации в рамках создания и развития ключевых концепций иранской внешней политики, определяющих подходы страны к наиболее важным проблемам международной повестки. Вместе с тем, несмотря на то, что указанные авторы и их работы предоставляют возможность взглянуть на мир глазами иранцев, целый ряд вопросов, связанных с проблематикой иранского самовосприятия на внешнеполитической арене, для исследователей, проживающих в этой стране, табуирован ввиду особенностей внутривнутриполитического устройства ИРИ. В результате указанные ограничения не позволяют им беспристрастно осветить изучаемую проблему, зачастую суживая дискуссию до обсуждения роли личности первого и второго верховных лидеров Ирана, а также исламского и революционного фактора, в становлении внешнеполитического самовосприятия страны после 1979 г. При этом существуют и исключения,

как, например, одна из работ профессора Тегеранского университета Дж. Карими, в которой автор обсуждает различные начала и многосоставный характер иранского внешнеполитического «я», причисляя к нему в том числе мистицизм (Mohammadpur, Karimi, Mahmoodi 2014).

Внимания заслуживает и взгляд тех иранских авторов, которые по ряду причин были вынуждены покинуть Иран, однако продолжили ассоциировать себя со страной и, как её представители, оказывают влияние на формирование иранского самовосприятия. Несмотря на то, что для многих представителей иранской эмиграции характерен критический взгляд на социально-политические реалии ИРИ, именно дискуссия по вопросам самоидентичности как многосоставного явления позволяет увидеть их солидарность и единство с Ираном через позиционирование и восприятие себя как одного из проявлений иранского «я». Так, в книге «Iran facing others. Identity Boundaries in a Historical Perspective» (Amanat, Vejdani 2012), в главе, посвящённой анализу подходов к пониманию националистической и имперской составляющих иранской идентичности, рассматриваются дискуссии, разворачивающиеся в среде представителей иранской интеллигенции в эмиграции, по большей части покинувшей страну во время или после революции 1978 – 1979 гг., включая основателя и главного редактора журналов *Iran-Nameh* («Иран-Наме») и *Iranshinasi* («Ирановедение») Джалаля Матини (род. 1928 г.), специалиста по истории Древней Персии и иранскому эпосу Джалаля Халеки-Мотлага (род. 1937 г.), историка, исследователя вопросов иранской идентичности Ахмада Ашрафа, историка и лингвиста Эхсана Яршатера (1920 – 2018), автора книги «Иран как воображаемая нация» (Vaziri 1993) Мустафы Визири (род. 1955 г.) и др. В отличие от своих коллег, вынужденных работать, оставаясь на территории ИРИ, указанные исследователи, будучи в гораздо меньшей степени стеснёнными идеологическими рамками, предлагают читателю объективный анализ националистического и паниранского нарративов, их роли в становлении иранской идентичности в целом и её внешнеполитической составляющей в частности.

Вместе с тем наиболее критично к вопросу изучения иранского внешнеполитического «я» подошли западные исследователи, которые, опираясь на иранские первоисточники и интервью с политиками ИРИ, сформулировали идею о комплексности иранского самовосприятия, для понимания которого необходимо выйти за пределы официальных доктрин, уделив внимание проблемам исторической памяти, этнопсихологии и сравнению имеющихся расхождений между официальными заявлениями и практическими шагами руководства ИРИ (Roshandel 1999; Sadjadpour 2009). В частности, как отмечают австралийские исследователи указанной проблемы Шахрам Акбарзаде и Джеймс Бэрри, «внешняя политика Ирана достаточно часто переживает существенные перемены [курса – Н.К., А.Б.], которые временами противоречат сами себе. Здравый смысл принимает риторику [руководства] Исламской Республики Иран как объективную данность и полагает, что Иран преследует цели, определённые его [заявленной] идеологией. Однако с этим подходом возникают проблемы, ког-

да, [например], становятся очевидны значительные расхождения президента Хасана Роухани и его предшественника, Махмуда Ахмадинежада, по ядерному досье» (Akbarzadeh, Barry 2016: 613). Говоря об этом, авторы указывают на тот факт, что, ссылаясь на нужды защищать достижения революции 1979 г., к которым относилась и ядерная программа Ирана, оба президента выстраивали свою политику в разном ключе. В то время как М. Ахмадинежад постарался выстроить активные контакты с внешним миром, идя при этом на конфронтацию с США и ЕС по так называемому «ядерному досье», его преемник наоборот сузил внешнеполитическую активность страны до деятельности на Ближнем Востоке, диалога с Россией и ЕС, сумев, при этом, обеспечить важный дипломатический прорыв – подписание СВПД, позволившего снять с ИРИ часть международных санкций (Akbarzadeh, Barry 2016: 613).

Задаваясь вопросом о том, как можно объяснить этот феномен, Акбарзаде и Берри указывают на существенную роль иранской самоидентификации в выстраивании внешнеполитического курса страны, а также подчёркивают, что было бы неправильно сводить эту самоидентификацию к возникшим после 1979 г. революционным нарративам. Они заявляют, что выбор внешнеполитического решения зависит от взаимодействия сразу нескольких начал в иранском самосознании («корпоративной идентичности»), главными из которых исследователи считают «ислам», «шиизм» и смесь паниранизма с иранским национализмом, определяемую Акбарзаде и Берри как «иранизм» (Akbarzadeh, Barry 2016).

Указанная идея о многосоставности и многомерности иранского внешнеполитического «я» была также высказана и развита в работах других англоязычных авторов. Дискуссия между ними ведётся сразу по двум направлениям. С одной стороны, такие авторы как, например, С. Малони и М. Мелани спорят относительно тех элементов иранского внешнеполитического «я», которые необходимо считать ключевыми для формирования иранского внешнеполитического мировосприятия. В частности, дискуссия касается роли Запада и западной культуры в развитии иранского самовосприятия (Maloney 2008; Milani 1993). С другой стороны, такие авторы как А. Салех и Дж. Ворралл спорят о роли исторического процесса в формировании иранской самоидентификации, предпринимая попытки выйти за границы периода после 1979 г. и за рамки XX в. в поиске истоков современного иранского внешнеполитического «я» (Saleh, Worrall 2014). Их подход обоснован: всё чаще в иранском внешнеполитическом поведении прослеживаются мотивы, которые необходимо искать в дореспубличанском или доисламском периоде истории Ирана.

Истоки иранской внешнеполитической идентичности

Традиционно в вопросе внешнеполитической самоидентификации у иранцев одним из ключевых аспектов была дихотомия «я и враждебные они». Идея Ирана, живущего в окружении не всегда дружелюбных соседей (арабов, турок,

монгол), которые отличаются от него этнически, а, с XVI в., и религиозно, проходит через весь период средневековья. Более того, отражённые в национальном эпосе «Шахнаме» легенды доисламского периода говорят о существовании подобного противостояния и в древнейшие времена (например, идея противостояния земли ариев – «Ирана» – и земли тюрков – «Турана»)¹. Это противостояние находило свою манифестацию не только в культурных памятниках, создававших представление об Иране как очаге культуры, осаждённом недоброжелателями, но и в государственной символике. В частности, с древнейших времён одним из символов страны было солнце, которое противопоставлялось более популярному у тюрков и арабов символу луны и полумесяца².

Таким образом, период арабского завоевания VII в. воспринимался иранцами двояко. С одной стороны, это было время, когда на иранские земли оказалась принесена новая и «праведная» религия – ислам. С другой стороны, это было «тёмное» время, когда Иран понёс сокрушительное поражение и оказался завоёван более слабыми с культурной точки зрения народами. По этой причине в нынешнем иранском сознании уживается понимание того, что несмотря на общность религии с соседями, иранцы всё же представляют несколько иную общность, объединённую другой ветвью ислама. По этой причине важным этапом в формировании иранского самовосприятия на политической арене оказалось восхождение курдской (по другой версии – тюркской) династии Сафавидов (1501 – 1722), которая была первой полноценной династией после арабского завоевания, не только объединившей под своим контролем значительные территории, чьим ядром стал именно современный Иран, но и оказавшейся способной удержать власть над ними в продолжительный период времени, а также создать сильное и жизнеспособное государство. Для идеологического обособления от соседей новые правители Ирана сделали государственной религией шиизм двенадцатиимамного толка, тем самым внеся новое дополнение к иранскому самовосприятию. С XVI в. Иран уже был не просто культурной и социально-экономической общностью народов, противопоставленной внешнему и недружелюбному миру, но ещё и иной религиозной сущностью – оплотом шиитского мира, противостоящего миру суннитскому и, в то же время, объединённой с этим суннитским миром единым религиозным началом – исламом.

Благодаря шиизму ещё одним элементом иранской идентичности стала идея страданий и поиска справедливости на пути приближения периода возвращения двенадцатого скрытого имама Махди. Эта шиитская идея, основанная на концепции несправедливого узурпирования власти в мусульманской общине противниками имама Али (656–661) и периодических притеснения его потомков, вошла в тесный симбиоз с историческим нарративом самих иранцев, пред-

¹ Shabazi Sh., 'FLAGS i. Of Persia', *Encyclopædia Iranica*, X/1. URL: <http://www.iranicaonline.org/articles/flags-i> (дата обращения 16.04.2020)

² Ibid.

ставлявших себя как народонаселение, периодически угнетаемое пришлыми завоевателями и, несмотря на морально-культурное превосходство, терпящее от этих угнетателей поражения, то есть испытывающие некую несправедливость. В то же время идея будущей победы над врагами и воздаяния за страдания, постулируемая у шиитов-двенадцатиимамников, позволяла создать необходимые оправдания внешнеполитическим невзгодам и обнадёжить иранцев обещанием лучшего будущего.

Связать между собой исламские и доисламские элементы иранской идентичности, укрепить противопоставление «иранского» и «неиранского» (в данном случае, арабского) миров, а также примирить двойственное восприятие роли арабского завоевания в истории Ирана позволил специально созданный шиитами миф о существовании кровной преемственности между последней доисламской иранской династией Сасанидов (224 – 651) и двенадцатью первыми имамами. Для этого доисламские представления о сакральном и божественном характере власти правителей и важности жреческого сословия были наложены на шиитские представления об имамате и непогрешимости первых двенадцати имамов. Например, как отмечал иранский мыслитель и религиозный философ сейед Мухаммад Хоссейн Табатабаи (1903 – 1981), для арабов первых веков существования ислама, в большинстве своём придерживавшихся ортодоксального суннизма, выбор в пользу существующей в нем идеи «халифата» был естественен в силу сохранения у них склонности к традициям кочевой демократии и основывающихся на ней представлениях о справедливости (Tabatabai 1975: 35-37). Якобы халифат, вид государственного и общественно-политического устройства, отнюдь не подразумевал первичности родственно-наследственных связей. Его руководитель – «халиф» – хоть и считался преемником пророка Мухаммада, связан с ним был, в первую очередь, мировоззренчески, а также мог быть выбираем (первые четыре (т.н. «праведные») халифы, которые возглавили арабский халифат после смерти пророка Мухаммада (570 – 632) были выбраны на совете (т.н. «шура»)) (Tabatabai 1975: 35-37). В сознании же иранцев-шиитов легитимация любой власти могла быть обусловлена родственной преемственностью наравне с личным авторитетом (Tabatabai 1975: 35 – 37). По представлению иранцев, Хусейн ибн Али (626 – 680) (сын зятя пророка Мухаммада, первого из двенадцати имамов Али (601 – 661)) был женат на Шахр Бану, дочери последнего сасанидского шаха Йездигерда III (632 – 651). Шахр Бану была матерью четвёртого шиитского имама Зейна аль-Абидина (680 – 712). Так, Хусейн и его потомки стали, с одной стороны, преемниками пророка Мухаммеда, с другой – имели родственные связи с доисламским иранским правящим домом. Была обеспечена сакральная преемственность иранской национальной власти и иранских традиций. Слово «сейед», используемое по отношению к потомкам пророка, фактически заменило «шахзада» (принц) (Мутаххари 2008: 36). Кроме того, шиизм, враждебно настроенный к «неправедным халифам», выступал для иранцев в качестве идеологии, компенсирующей национальное унижение, испытанное Ираном в ходе арабского завоевания (Боев 2017: 38-39).

Фактически с Сафавидской династии начинает формироваться главная триада внешнеполитической идентичности иранцев, включавшая восприятие себя как «иранцев», «шиитов» и «мусульман». При этом, указанные сущности уживались вместе, что нашло выражение, например, в национальной символике – изображении льва и солнца, которая использовалась последующими династиями вплоть до 1979 г. В качестве формального символа Ирана это изображение появилось при шахе Аббасе I (1571 – 1629), одном из сильных представителей Сафавидской династии.³ Свою роль сыграло активное геостратегическое соперничество, развернувшееся между Ираном и Османской Турцией. Оно коснулось не только военно-политической сферы, но и затронуло символику двух государств. Уже упоминавшаяся средневековая идея противостояния солярных и лунных символов получала новую жизнь. Как отмечали европейские путешественники, в то время как османы использовали в качестве государственной символики луну, Иран вновь обратился к солнцу⁴. Лев же отображал религиозное начало иранской идентичности. Он символизировал один из титулов особо почитаемого у шиитов имама Али (656 – 661), первому из двенадцати имамов, с истории которого ведёт начало разделение ислама на суннитский и шиитский толки. Имам Али носил титул «асад алла» или в персидской версии «шир-е хода», т.е. «лев Бога». Уже в более поздние Каджарские времена (XIX в.) лев получит в свою лапу легендарный «Зульфикар» – раздвоенный меч, принадлежавший халифу Али.

Восходящее солнце над львом также имело религиозный смысл, представляя божественную благодать, «нар ал-анвар» («сияние света» или «свет/света»), божественное благословение, данное имаму Али как мандат на управление мусульманской общиной. До сих пор на различных плакатах в Иране имам Али изображается в качестве безликого) крепкого воина с нимбом вокруг головы, от которого исходят лучи (Roshandel 1999: 536 – 540). Здесь угадывается и заигрывание с зороастрийской традицией, в частности, концепцией божественной благодати – «фарра» – которой наделялись правители доисламского Ирана, часто изображавшегося в виде кольца или свечения. Последнее не ускользнуло от внимания суннитов, которые часто обвиняли иранских шиитов в ереси и обращении к языческим культам. Впрочем, озлобленность суннитских противников ещё больше мотивировала иранских шиитов на использование этой символики во внешней политике⁵.

Иранская внешнеполитическая идентичность при династии Пехлеви

Отправной точкой в поиске иранского внешнеполитического «я» на современном этапе можно считать первые два десятилетия прошлого столетия,

³ Ibid.

⁴ Ibid.

⁵ Ibid.

когда страна была разделена между Российской и Британской империями на сферы влияния, во многом утратив независимость и политическую автономию.

Фактически процесс постепенного роста национального самосознания начался в Иране ещё в 1830-х – 1840-х гг. в условиях постепенно обострявшегося российско-британского соперничества за влияние в этой стране. Показательно, что занимавший с 1847 по 1851 г. пост великого вазира (премьер-министра) Мирза Таги-хан, также известный как Амир Кабир (1807 – 1852), активно использовал термины «нация» (меллат) и «родина» (ватан) в их современном значении, когда в своих заявлениях осуждал иностранное вмешательство. До него понятие «ватан» употреблялось лишь для обозначения локального места проживания, а «меллат» характеризовало религиозное сообщество («меллат-е муслеман») (Боев 2017: 46). Далее национализм в Иране формировался под влиянием французской философской школы, а вместе с ним начиная со второй половины XIX в., в стране стали распространяться идеи первых идеологов иранского национализма – Мирзы Фатали Ахундзаде (1812-1878) и Мирзы Ага Хана Кермани (1854-1896/97) (Collam 1964: 201; Бастани-Паризи 1968: 57). В результате, к 1900-м гг. в нарративах иранской внешнеполитической идентичности на первый план вышла идея непростой судьбы Ирана и необходимости борьбы за независимость и историческую справедливость. Вместе с тем мысль о том, как добиться свободы и независимости у разных групп иранской элиты были разные, что отразилось в появлении новых идентичностей, сосуществовавших в одной стране, и выражавших себя в том числе в форме различной символики. В частности, в ходе антиколониальных и антишахских восстаний Мир-Бахрам-хана Баранзая (1907 г.) в Белуджистане, Саттар-хана (1908 – 1909 гг.) и шейха Мохаммада Хиябани (1920 г.) в Тебризе, а также джангаблейского движения мирзы Кучек-хана (1915 – 1921 гг., провинция Гилян) во внешнеполитической самоидентификации восставших на первое место вышла тема пробуждающегося национального самосознания. В частности, в Тебризе принципиально использовался персидский флаг без официального герба, связанного в сознании повстанцев со слабой Каджарской династией, подчинившейся колониальным державам. Новый флаг (в противовес гербу и портрету абсолютного монарха) должен был символизировать как власть конституционного государства, за которой стоят широкие слои населения, так и национальную автономию области, населённой этническими азербайджанцами. В 1920 г. территориям вокруг Тебриза, которые взяли под контроль повстанцы, было дано имя «Азадестан» (буквально «Свободестан»). Несколько иные символы использовали джангаблейцы, которые к 1921 г. тяготели к коммунистическим идеям. Однако использовавшийся ими в 1921 г. красный флаг (от части, чтобы угодить советским союзникам) трактовался как древнее знамя, использовавшееся иранцами в ходе восстаний против власти арабов, что также должно было подчеркнуть антиколониальный характер джангаблейского движения и древние корни ведущейся борьбы в соответствии

со старинным нарративом «мы и враждебные они» (Персиц 1999). Только в этот раз в виде врагов были колониальные державы. Именно в эти годы новую силу набирает иранский национализм, который, хоть и не отвергает исламское наследие, но обращается к доисламской исторической памяти, подчёркивая древность иранской истории, напоминает о славе первых персидских империй, давая надежду современникам на столь же великое будущее.

В 1920 – 1930-х гг. основные надежды Ирана в борьбе за независимость и определении его внешнеполитической идентичности были связаны с личностью Реза-шаха (1925 – 1941), основателя последней иранской династии Пехлеви (1925 – 1979), который считал своей первоочередной задачей модернизацию страны и обеспечение её независимости от внешних сил. В этот период иранская внешнеполитическая идентичность базировалась на идее возрождающейся древней державы, которая, лавируя между Великобританией, СССР, США и Германией, должна была претендовать на роль независимой региональной силы. Этот период иранской внешней политики получил название периода «активного нейтралитета», построенного с опорой на одну из лидирующих держав. К сожалению, Реза-шах так и не смог достигнуть поставленной цели. Его попытка увеличить контроль над нефтяными ресурсами страны, находившимися тогда в руках англичан, а также использовать в конце 1930-х гг. активные связи с Германией как противовес попыткам Москвы и Лондона усилить своё давление на Иран, привели к тому, что в августе 1941 г. советские и британские войска заняли страну, а сам шах был вынужден отречься от престола в пользу наследника Мохаммад Реза-шаха (1941 – 1979) и покинуть страну. Последующая оккупация и попытка СССР создать на территории Ирана независимые курдские и азербайджанские республики показала несостоятельность политики активного и принципиального нейтралитета, заставив в последующие годы Тегеран выбирать между советским и западным блоками.

Изначально, выбор был сделан в пользу США, что привело Тегеран к превращению в верного союзника Вашингтона на Ближнем Востоке и повысило иранские амбиции на региональное лидерство с опорой на американскую поддержку. В этот период главной целью иранской элиты при поиске внешнеполитической идентичности было примирение видения Тегераном себя в качестве независимого регионального лидера с необходимостью либо лавировать между сверхдержавами, приспосабливаясь к их требованиям, либо де-факто зависеть от одной из них. Важным элементом доктрины национальной независимости Ирана и его претензий на региональное лидерство была продвигаемая идея древних корней иранской цивилизации, которая должна была оправдать многие шаги страны на внешнеполитической арене, включая её территориальные амбиции, такие как притязания на Бахрейн, некоторые острова в Персидском Заливе, а также часть территорий вдоль ирано-иракской границы в районе Шатт-эль-Араб. Однако на реализацию этих планов Иран был способен лишь отчасти: в 1971 г. он силой утвердил свой контроль над островами Абу-Муса,

Большой и Малый Томб, право на которые также заявили ОАЭ (Vagil 2018: 4–6). По большей части, на экспансионистские шаги Тегерана накладывал ограничения целый ряд факторов: много сил уходило на решение внутренних проблем страны, предупреждение этнического сепаратизма, лавирование между двумя геополитическими блоками. В то же время, культурная экспансия в находившиеся за пределами страны территории т.н. «иранского мира» была сдерживаема политикой контролировавших их государств (СССР, Ирака, Турции, Британской Индии). Правящие круги единственного помимо Ирана независимого ираноязычного государства – Афганистана – придерживались политики пуштунского национализма, что вступало в противоречие с ценностями персидской культуры (Saleh 2014: 141).

Вместе с тем растущая зависимость от внешнего мира, просчёты шаха при проведении экономической модернизации по западному образцу породили внутри иранского общества иную концепцию внешнеполитического «я» – концепцию «интоксикации западными ценностями» («гарбзадеги»), которая говорила о необходимости поиска своего собственного, независимого пути развития с опорой на традиционные и, в том числе, религиозные ценности. Это вылилось в концепцию создания «третьего мира» как альтернативы миру коммунизма и капиталистическому миру. С точки зрения иранских мыслителей, новое общество должно было строиться на смеси социалистических (иногда – марксистских), антиимпериалистических, традиционных и панисламских идей (Ал-е Ахмад 1962: 111; Ушаков 1979: 96). Именно эта доктрина в значительной части стала отправной точкой для исламских внешнеполитических концепций, возникших в Иране накануне и сразу же после исламской революции 1979 г. (Резников 1983: 47; Ушаков 1979: 96).

В значительной части идея нового Ирана как передового авангарда борьбы с колониализмом и внешней зависимостью была заимствована и повторена основателем исламской республики Р. Хомейни (1902 – 1989) в его ключевом труде «Велайт-е факих». Например, концепция первого Верховного лидера Ирана о том, что нации и границы в их нынешнем определении являются изобретением колониалистов, напрямую отражает марксистскую идею о капиталистической природе понятий «нация» и «государство». При этом Р. Хомейни делал больший акцент на роли ислама в выработке «третьего пути» для страны и ведении антиколониальной борьбы, частью которой было установление справедливого миропорядка для мусульманского мира. В частности, он постулировал, что колониалисты и противники ислама «навязали [Ирану] свои законы, которые не одобряются Аллахом, и силой распространили свою культуру, а также отравленные идеи среди мусульман». В результате ключевой задачей для обеспечения выживаемости иранской нации, по мнению Р. Хомейни, является «борьба с любым злом, разложением и заблуждениями», навязываемыми извне, что делает ИРИ революционным форпостом борьбы за «чистоту» мусульманского мира (Хомейни 1999: 43, 164-165).

От революционной романтики 1980-х к прагматизму 2000-х гг.

Идея «третьего пути», основанного на исламских принципах, стала ещё одной вариацией иранской внешнеполитической идентичности, доминировавшей в течение 1980-х гг. Элементом этой идентичности явился революционный принцип «не западная, не восточная, а исламская республика». Для воплощения этого принципа альтернативного пути Тегеран должен был сократить или вообще прекратить отношения с советским и американскими лагерями, сосредоточившись на развитии собственного самодостаточного потенциала, а также на работе с развивающимися странами и странами исламского мира, которые зачастую объединялись под понятием «угнетаемых» «колониальными» государствами. Эти идеи развивались накануне и в первые годы после революции в трудах идеологических основателей ИРИ, Р. Хомейни, М. Моттахари (1919 – 1979), М. Бехешти (1928 – 1981) и М. Талегани (1911 – 1979), равно как и иранскими интеллектуалами А. Шариати (1933 – 1977) и Дж. Але-Ахмадом (1923 – 1969).

Иранские революционеры 1980-х гг. верили в необходимость создания нового идеального общества, построенного на революционных идеях, которое должно было стать моделью для остальных мусульманских стран и объединить исламский мир на принципах социальной безопасности, справедливости, стабильности и равенства, гарантировавших отсутствие внутримусульманских войн и конфликтов. Фактически новый строй должен был стать не просто этапом трансформации мусульманского общества, а актом его очищения и излечения от созданных внешними силами проблем (Мотовилов 2005: 80; Хомейни 1999). Распространение новых идей вне Ирана как элемент исламской революции стало обязанностью её участников. При этом тезис о необходимости экспорта исламских идей часто искажается исследователями. Он был и остаётся частью иранской внешнеполитической идентичности. Однако критики ИРИ фокусируются только на одном из методов продвижения исламской революции – насильственном, в то время как как изначальная идея подразумевает возможность постоянного выбора между насаждением новой идеологии силой и распространения словом. Последнему пути с середины 1990-х гг. даётся безусловное предпочтение (Ушаков 1997: 13-14). Более того, с конца 1980-х гг. в Иране был запущен постепенный и последовательный процесс отказа от агрессивной мессианской политики.

Постепенная дерадикализация иранской революционной идентичности объясняется естественными процессами. Наиболее радикальные и агрессивные элементы иранского общества и политической элиты были физически устранены в ходе последовавшей после революции 1979 г. борьбы за власть и ирано-иракского конфликта. В ряде случаев полезные в самом начале революции, они к концу 1980-х гг. целенаправленно уничтожались новым режимом, когда становились неподконтрольными и опасными (например, как в случае с Мехди Хашеми (1946 – 1987)). В итоге, к 1990-м гг. на политической арене страны до-

минирующую роль занимали прагматики и реалисты, которые предпочитали сконцентрировать внимание на управлении самим Ираном, нежели на реализации утопической мечты по распространению модели «идеального общества» за его пределы. Отдельным отрезвляющим моментом стали высокие человеческие потери страны в войне с Ираком в 1980 – 1988 гг., завершение которой де-факто обозначило провал открытого и вооружённого экспорта революционных идей (Ушаков 1997: 13 – 14). В этих условиях Ирана перешёл с конца 1980-х гг. на распространение исламских идей через использование «мягкой» силы и «экспорт» исламской культуры (Ушаков 1997).

В конце 1980-х гг. произошли ещё два важных изменения, которые предопределили дальнейший ход формирования иранской внешнеполитической идентичности – конституционная реформа 1989 г., усилившая роль и влияние выборной позиции президента на ситуацию в стране и её внешнюю политику, и смена Верховного лидера страны. В первом случае, президенты, выбранные в Иране после 1989 г., приходили на эту должность со своей внешнеполитической повесткой, игравшей важную роль в формировании иранского восприятия своего положения в регионе. Сменивший же в 1989 г. Р. Хомейни С.А. Хаменеи сильно отличался от своего предшественника. Веря в идеи исламской революции, он обладал меньшей внешнеполитической харизмой и был больше нацелен на обеспечение выживаемости исламского режима в границах Ирана, нежели на внешнюю экспансию.

Первая половина 1990-х гг. во внешней политике Ирана была ознаменована попытками поддержать исламистские движения в Алжире, Боснии, Тунисе, Судане и Таджикистане в их вооружённой борьбе. Однако это были признаки затухающей инерции агрессивного романтизма 1980-х гг. К второй половине 1990-х гг. Иран стремится уйти от политической изоляции, чтобы гарантировать своё экономическое выживание, и старается наладить ровные отношения с основными игроками на международной арене, более не раздражая их радикальной риторикой. Определённое потепление в конце 1990-х – начале 2000-х гг. возникает в диалоге Ирана с США. В итоге в Тегеране происходит негласный пересмотр слогана «не западная, не восточная...», который уже не означает создание альтернативы марксистской (с распадом СССР в 1991 г. это стало не так актуально) или западной системам. Вместо этого акцент стал делаться на готовности вести равный диалог со всеми участниками международных отношений, признающих право Ирана на самобытность и независимость. С 1997 по 2005 гг. президентом Ирана был М. Хатами, который сформулировал этот тезис в форме концепции «диалога цивилизаций», подразумевавшего готовность страны к активному культурно-цивилизационному диалогу как с исламским, так и неисламскими странами, основанному на принципах признания культурного разнообразия, равенства и взаимного сосуществования (Хатами 2001). Такая внешнеполитическая доктрина и самовосприятие Тегерана импонировали многим силам за пределами ИРИ. Она также примиряла между собой и другие иранские

идентичности, говоря и о независимости, и о справедливости, и о возможности распространения исламских идей, основанных на богатой иранской истории и культуре. Вместе с тем такое видение внешнеполитических задач было способно существовать и доминировать над остальными иранскими внешнеполитическими «я» только в условиях безопасной внешней обстановки и сильных позиций условно либерально-реформаторского крыла иранской элиты, способного противодействовать влиянию консервативных взглядов на формирование внешней политики государства.

Однако усиление внешнеполитического давления на Иран в начале 2000-х гг. из-за раскрытия фактов наличия у Тегерана ядерной исследовательской программы с возможной военной компонентой, а также приход на пост президента в 2005 г. неоконсерватора М. Ахмадинежада, вновь внесли корректировки в самопозиционирование страны на международной арене. Во-первых, Иран вернулся к традиционному восприятию себя как нации, отстаивающей свободу и независимость, символом которой стало право на владение ядерными технологиями, позволяющими наладить полный топливный цикл.

Во-вторых, американское вторжение в Ирак и Афганистан серьёзным образом дестабилизировали баланс сил в регионе, сложившийся после ирано-иракской войны. Последовавшая в 2010-2011 гг. «арабская весна» и обострение противостояния между Саудовской Аравией, поддерживаемой её союзниками, и Ираном, вновь вызвали к жизни целый набор старых идентичностей. С одной стороны, иранская элита вновь заговорила о своих претензиях на региональное лидерство, а также необходимости борьбы с целью защиты угнетаемых мусульман и, в том числе, шиитов, тем более что ситуация в регионе давала возможности как для первого, так и второго. С другой стороны, новую жизнь получил тезис о необходимости борьбы за независимость и безопасность Ирана, который теперь позиционировал свою региональную политику как защитную реакцию на возникающие вызовы, то есть как исключительно оборонительную.

В-третьих, пришедший на пост президента в 2005 – 2013 гг. М. Ахмадинежад считал себя верным последователем идей Р. Хомейни. Это, впрочем, не означало полноценного возрождения идеологических подходов 1980-х гг., сколько их переосмысление на новом историческом этапе, что привело к эклектике в существовавшем при этом иранском президенте внешнеполитического «я». Так, идея начала 1980-х гг. о том, что Иран представляет собой сторонника некоего «третьего пути», была сформулирована по-другому: вместо взаимодействия с развивающимися исламскими странами акцент был сделан на более глобальном подходе, подразумевавшем сотрудничество с любыми развивающимися странами, критикующими США, находящимися с ними в конфронтации (как Венесуэла, Куба, а также другие страны Латинской Америки, переживавшие в конце 2000-х гг. приход к власти левых и социалистических правительств). Развивались связи с Движением неприсоединения, региональными и международными структурами, которые Иран воспринимал в качестве независимых от Запада.

Идеи борьбы за независимость вылились в активное противостояние США и агрессивную антиизраильскую риторику, в то время как стремление укрепить Тегеран в качестве лидера исламского мира выразилось в форме более активного участия иранцев в ОИК и многосторонних форматах встреч в мусульманском мире. Не были окончательно отринуты и принципы непосредственных предшественников М. Ахмадинежада. Несмотря на значительно большую жёсткость его подходов, тогдашний президент ИРИ всё же строил свою внешнеполитическую доктрину на принципе «конструктивного взаимодействия» («таамол-е сазанде»), который был нацелен на формирование активного созидательного диалога с представителями мирового сообщества при гарантировании права Ирана на защиту себя, своих интересов и независимости (Моулана, Моахммади 1987: 116).

Эклектический паниранизм

Со времени президентства М. Ахмадинежада важным элементом иранской внешнеполитической идентичности становится паниранизм, основанный на старейшем самовосприятии Ирана как древней культурной цивилизации, который иногда ошибочно подменяют понятием иранский национализм. И хотя, обе идеологии исторически применялись для обоснования национальной политики, направленной на иранизацию меньшинств и игнорирования их культурных особенностей, иранский национализм (также как и паниранизм, апеллировавший к героическому прошлому доисламской Персии и идее «возрождения» персидского языка) применялся только во внутренней политике, в то время как паниранизм до сих пор актуален как компонент политической идентичности страны в целом и проявляется как во внутренней политике, так и во внешней.

В основе паниранизма лежит понятие иранской национальной гордости, через ощущение своей причастности к цивилизации, обладающей историей более древней, чем история ислама, и давшей миру целый ряд научных и культурных достижений. Это видение определяет как наличие у Тегерана осознания внутреннего превосходства перед более «молодыми» странами (будь то арабские монархии Персидского залива, Россия или США), так и видение им границ тех территорий, которые ИРИ относит к зоне своего исторического влияния. Вместе с тем паниранизм – это концепция идентичности, которая только в незначительной степени основана на расовых принципах: их использование физически невозможно в стране со сложной национальной ситуацией, где выделение титульной нации вопрос не только опасный, но и запутанный, т.к. в создании современного Ирана важную роль играло не только персоязычное население, но и проживающие на его территории турки. Вместо этого под «иранцами» понимается общность проживающего на территории страны населения, объединённая единым культурно-историческим наследием, а не кровью или единой религией.

В таком случае иранский паниранизм выходит за пределы национальных границ и охватывает в качестве зоны иранских интересов и сферы возможного влияния обширный регион, включающий в себя Среднюю Азию, Афганистан, Пакистан, часть Индии, Закавказье и часть Ближнего Востока (фактически, максимальные границы распространения влияния доисламского Ирана). Страны, входящие в иранский мир, могут включаться в него исходя из принципа языковой, культурной, исторической и/или религиозной общностей (Akbarzadeh, Barry 2016: 613 – 629). При этом для причисления к «иранскому миру» не обязательно иметь совпадение по всем параметрам. Как заявляют иранские исследователи, Туркменистан, например, не обладает единым языковым наследием с Ираном, но имеет устойчивые культурные связи, историческая родина туркменского языка, якобы, находится на севере Ирана, а «наиболее популярный туркменский поэт Махтумкули жил и похоронен в Иране» (Akbarzadeh, Barry 2016: 613 – 629).

Как уже отмечалось, ислам не противоречит идее паниранизма. Более того, некоторые исследователи считают религиозный фактор важным аспектом паниранской идентичности, позволяющий уйти от узконациональных интересов (Akbarzadeh, Barry 2016: 613 – 629). Впрочем, в рамках этого мировосприятия исламу отведена далеко не исключительная роль. Паниранизм исходит из того, что ислам был не единственной религиозной традицией, внесшей вклад в развитие иранской цивилизации. Подобное восприятие религии и места ислама имеет двоякое значение для элиты страны и её позиционирования на внешнеполитической арене.

Наличие в паниранской идентичности исламского следа позволяет использование националистических сантиментов религиозным руководством ИРИ при объяснении населению логики тех или иных решений, несмотря на то, что лидер исламской революции Р. Хомейни противопоставлял национализм и ислам, считая национальной идею и деление мусульманского мира на государства результатом действий империалистического Запада (Ушаков 1997: 15). Несмотря на утверждения первого Верховного лидера и творца исламской революции о том, что свержение монархии в Иране свершалось во имя исламских, но никак не националистических идей, за весь период истории исламской республики руководство страны не раз обращалось именно к национальным чувствам населения, когда идеи исламского интернационализма не срабатывали (Akbarzadeh, Barry 2016: 613 – 629). Р. Хомейни в конце 1980-х гг. приравнивал национальный долг по защите государственной целостности к исполнению религиозных обязанностей (Akbarzadeh, Barry 2016: 613 – 629). Более того, в высказываниях иранских политиков по прошествии времени все отчётливее формулируется идея о том, что интересы глобальной мусульманской общины хоть и являются одним из приоритетов внешней политики страны, не должны входить в противоречие с интересами Ирана.

Отсутствие жёсткой привязки к исламу позволило сделать паниранскую идентичность ещё более гибкой при объяснении выстраивания отношений со

странами, которые не относились к шиитским или мусульманским, но воспринимались Тегераном как часть глобального иранского мира, объединённого общим прошлым и культурными корнями (как, например, Армения).

Так всё же, кто такие иранцы?

К моменту прихода в 2013 г. нынешнего иранского президента, Х. Роухани, в Иране сложилась специфическая ситуация в вопросе внешнеполитической самоидентичности. При попытке ответить на вопрос «кто мы?» иранский политический истеблишмент не способен дать единого определения: в зависимости от ситуации, Иран может определяться как национальное государство, революционное общество, лидер исламского мира, ведущая шиитская держава и борец за построение нового справедливого миропорядка. Такие разночтения определены тем, что в процессе формирования собственной внешнеполитической идентичности иранцы в разные периоды предлагали разные определения собственного «я» по отношению к другим. При этом смена исторических эпох не вела к полному отказу от предшествующей внешнеполитической идентичности, а к её инкорпорированию в новую формулировку, предлагавшуюся новым временем. В крайнем случае элементы предшествующей формулы иранского внешнеполитического «я» продолжали сосуществовать с новым определением.

Наличие многовариативности в иранской самоидентификации является истоком как иранских проблем, так и иранской силы. В частности, созданные и принятые на себя роли «защитника мусульманской общины», «покровителя шиитов» или борца с идеологическими врагами заставляют Иран предпринимать шаги, идущие вразрез с его национальными интересами. Так, Тегеран не мог не отреагировать на казнь шиитского духовного лица Нимра ан-Нимра в Саудовской Аравии в 2016 г., хотя это и привело к ещё большему ухудшению отношений со странами ССАГПЗ. В других случаях Тегеран может оказаться прагматичным, как в ситуации с его контактами с «Аль-Каидой» и «Талибаном» в Афганистане, когда, чтобы избежать излишнего столкновения с представителями этих группировок и осложнить жизнь американцам, руководство ИРИ поддерживало с ними в конце 2000-х – начале 2010-х общение⁶.

Вместе с тем наличие нескольких идентичностей не приводит к «внешнеполитической шизофрении». Иранской элите удаётся совмещать их и использовать по мере надобности. Так, использование религиозной риторики и идей пан-шиитского единства позволило руководству ИРИ мобилизовать силы иракских, афганских, ливанских и пакистанских шиитов с целью использовать их в интересах защиты интересов Ирана в текущей гражданской войне в Сирии, напра-

⁶ Slavin B. 2013. Iran and Al Qaeda More Enemies than Allies. *The Al-Monitor*. 08.02.2013. URL: <http://www.al-monitor.com/pulse/originals/2012/al-monitor/iran-and-al-qaedabr-more-enemies.html> (accessed 16.04.2020)

вив туда отряды шиитских «добровольцев» со всего региона. С другой стороны, для самих иранцев руководство страны предложило другой нарратив, объяснив участие в сирийской войне защитой национальной безопасности, инкорпорируя её в т.н. теорию «цепи сопротивления» («сельселе-йе мукавемат»). Она, в свою очередь, подразумевала иранское присутствие в Ливане, Сирии и Ираке, необходимость дать ответ на угрозы, возникшие для национальной безопасности Ирана на дальних рубежах, коими и выступили указанные государства. В этом ключе наличие нескольких внешнеполитических «я» у Тегерана являются сильной стороной ИРИ. В этом смысле нельзя не согласиться с Верховным лидером Ирана С.А. Хаменеи, который в сентябре 2014 г. объяснил силу региональной политики ИРИ исламом, персидским языком и шиитским мазхабом. С его слов, именно эти три вещи обеспечивают «стратегическую глубину иранских региональных позиций»⁷.

Об авторах:

Николай Александрович Кожанов – кандидат экономических наук, старший научный сотрудник ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН, РФ, 117997 Москва, ул. Профсоюзная, 23.
E-mail: n_a_kozhanov@mail.ru.

Богачёва Анастасия Сергеевна – старший лаборант-исследователь ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН, РФ, 117997 Москва, ул. Профсоюзная, 23. E-mail: anastasia.s.bogacheva@gmail.com.

Конфликт интересов:

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Received: August 08, 2019
Accepted: February 15, 2020

The Islamic Republic of Iran in Search of its Foreign Policy Identity: Revolutionary Innovation or Continuity?

N.A. Kozhanov, A.S. Bogacheva
DOI 10.24833/2071-8160-2020-2-71-141-162

⁷ Хаменеи С.А. 2014. Байанат дар дидар ба оаза-йе маджлис-е хобрегана-е рахбари. 4 сентябры 2014. URL: <http://farsi.khamenei.ir/speech-content?id=27356> (дата обращения 16.04.2020)

Primakov national research Institute of world economy and international relations RAS

Abstract: Self-perception in the international arena plays a great role in the development of a country's foreign policy strategy. Not all states can answer the question «who are we in relation to others»? In particular, we can describe the past 20 century and the first decades of the 21st century as the time of Tehran's search for its foreign policy identity, which is not finished even today. Despite many discussion, the Iranian political elite has not only failed to find a single definition of its foreign policy selfhood, but has produced several more formulas of its own identity, which often contradict each other, although they coexist. The events of 1979, when the new leadership that came to power in the course of revolutionary upheavals announced the rejection of the traditions of the Shah's Iran and the building of a new "revolutionary" nation with its own special foreign policy identity, had a significant impact on the process of forming the Iranian selfhood. The article analyzes the main trends that exist in the Iranian foreign policy self-perception, in order to confirm the hypothesis that the «revolutionary experiment» did not lead to a break in the continuity in the issue of Iranian self-identification. On the contrary, there is an attempt by the country's leadership to combine Islamic, revolutionary and nationalist principles in determining the role of their country in the international arena, which let us speak about the multi-component foreign policy identity of modern Iran.

Key words: Iran, Islamic revolution, Shiism in Iran, Iranian nationalism, pan-iranism, velayat-e faqih doctrine, Islamism

About the authors:

Nikolay A. Kozhanov – candidate of economic Sciences, senior research fellow of the Primakov national research Institute of world economy and international relations RAS, 23, Profsovsnaja street, Moscow, 117997, Russia. E-mail: n_a_kozhanov@mail.ru.

Anastasia S. Bogacheva – senior research assistant at the Primakov national research Institute of world economy and international relations RAS, 23, Profsovsnaja street, Moscow, 117997, Russia. E-mail: anastasia.s.bogacheva@gmail.com.

Conflict of interests:

The authors declare the absence of conflict of interests.

References:

- Akbarzadeh Sh., Barry J. 2016. State Identity in Iranian Foreign Policy. *British Journal of Middle Eastern Studies*. 43(4).
- Amanat A., Vejdani F. 2012. *Iran Facing Others. Identity Boundaries in a historical Perspective*. London: Palgrave Macmillan. 294 p.
- Collam R.W. 1964. *Nationalism in Iran*. Pittsburg: University of Pittsburgh Press. 384 p.
- Maloney S. 2008. *Iran's Long Reach: Iran as a Pivotal State in the Muslim World*. Washington: United States Institute of Peace Press.
- Milani M. 1993. The Evolution of the Iranian Presidency: from Bani Sadr to Rafsanjani. *British Journal of Middle Eastern Studies*. 20(1). P. 83–97.
- Milstein R. Light, Fire and Sun in Islamic Painting. M. Sharon (ed.). *Studies in Islamic History and Civilization in Honour of Professor David Ayalon*. Jerusalem: 1986.
- Mohammadpur A., Karimi J., Mahmoodi K. 2014. Predicament of Identity in Iran: a Qualitative Meta-Analysis of Theoretical and Empirical Studies on Identity. *Quality & Quantity*. 48(4). P. 1973–1994.

Roshandel J. 1999. *Evolution of the Decision-Making Process in Iranian Foreign Policy (1979-1999)*. Copenhagen: Copenhagen Peace Research Institute.

Sadjadpour K. 2009. *Reading Khamenei: The World View of Iran's Most Powerful Leader*. Washington: Carnegie Endowment for International Peace.

Saleh A., Worrall J. 2014. Between Darius and Khomeini: exploring Iran's national identity problematique. *National Identities*.

Tabatabai M.H. 1975. *Shi'ite Islam. Translated and Edited by Seyyed Hossein Nasr*. New York: State University of New York Press. 216 p.

Vakil S. 2018. *Iran and the GCC: Hedging, Pragmatism and Opportunism*. London, Chatham House.

Vaziri M. 1993. *Iran as Imagined Nation: The Construction of National Identity*. New York: Paragon House. 261 p.

Agayev S. 1984. Iran: *Rozhdeniye Respubliki* [Birth Of The Republic]. Moscow: Nauka. 336 p. (In Russian)

Al-ye Akhmad Dzh. 1962. *Garbzadegi* [Gharbzadegi]. Tekhran. 189p. (In Russian)

Aliyev S. 2004. *Istoriya Irana. XX vek* [History of Iran. XX century]. Moscow: IV RAN. 644 p. (In Russian)

Arunova M.R. 2005. Chetvert' veka islamskoy revolyutsii i svojetsko-rossijsko-iranskiye otnosheniya (1979 – 2004) [A Quarter Century of the Islamic Revolution and Soviet-Russian-Iranian Relations (1979-2004)]. N. Mamedova (ed.). *Dvadsat' pyat' let revolyutsii v Irane*. Moscow: IV RAN. (In Russian)

Bastani-Parizi M. Ye. 1968 (1347). *Prizyv k svobode: Zhizn' Moshira ad-Doule Pirniya* [Call for Freedom: the Life of Moshir od-Doule Pirnia] («Neda-ye azadi: Zendegi-ye Moushir-od-Doule Pirniya»). Tegeran: Elmi. (In Russian)

Boyev E.B. 2017. *Ideologiya gosudarstvennogo natsionalizma v Irane v period pravleniya dinastii Pekhlevi 1925-1979 gg.* [Ideology of State Nationalism in Iran during the Pahlavi Dynasty 1925-1979]. Tekst kandidatskoy dissertatsii. NGPU. Nizhniy Novgorod. (In Russian)

Dekhgani-Firuzabadi Dzh. 1388. *Siyasat-e kharedzhi-yye dzhumkhuri-yye eslami-yye iran*. Tekhran: Sazeman-e mottalee va tadvin-e ketab-e ulu'-e ensani-yye daneshchaghkhkha. (In Farsi)

Garyag-Zandi D. 1395. Usul va mabani-ye siyasat-e kharedzhi-yye dzhumkhuri-yye eslami-yye iran: dzhustori dar mutun. Mokhammad Yazdanfam. *Siyasat-e kharedzhi-yye dzhumkhuri-yye eslami-yye iran*. Tekhran: Pozhukheshkade-ye mottaleat-e rokhbordi. P. 55 – 90. (In Farsi)

Fedorova I. 2004. *Iran – SShA: dialog i protivostoyanie* [Iran – USA: Dialogue and Confrontation]. Moscow: RAS Institute of Oriental studies. (In Russian)

Identichnost': Lichnost', obshchestvo, politika [Identity: Personality, Society, Politics]. 2017. Entsiklopedicheskoye izdaniye. Otv. red. I.S. Semenenko. IMEMO RAN. Moscow: Izdatel'stvo «Ves' Mir». 992 p. (In Russian)

Khatami M. 2001. *Islam, dialog i grazhdanskoe obshchestvo* [Islam, Dialogue and Civil Society]. Moscow: ROSSPEN. 130 p.

Khomeini P. 1369. *Vasiyetname-e Stasi*. Tehran. 50 p. (In Farsi)

Khomeini R. *Velayat-e faqih*. Tehran. 112 p. (In Farsi)

Kudryashova I.V. 2012. Politicheskiye izmereniya i transformatsii identichnosti v stranakh musul'manskogo Vostoka [Political Dimensions and Identity Transformations in the Muslim East]. *Politicheskaya identichnost' i politika identichnosti: v 2 tt. T.2.: Identichnost' i sotsial'no-politicheskiye izmereniya v XXI v.* Moscow: ROSSPEN. P. 155 – 184. (In Russian)

Kulagina L. 1996. Osnovnyye napravleniya vneshney politiki IRI na sovremennom etape [The Main Directions of Iran's Foreign Policy at the Present Stage.]. N.Mamedova (ed.). *Blizhniy Vostok i sovremennost'*. Moscow: Institut Blizhnego Vostoka. (In Russian)

Mamedova N.M. 2010. Vzaimnyye interesy Rossii i Irana: istoricheskaya evolyutsiya i nyneshniy etap [Mutual Interests of Russia and Iran: Historical Evolution and Current Stage]. N.Mamedova (red.). *Rossiya i islamskiy mir: istoricheskaya retrospektiva i sovremennyye tendentsii*. Moscow: IV RAN. (In Russian)

Motovilov Yu. 2005. *Osobennosti vyrabotki i osushchestvleniya regional'noy politiki Islamskoy Respubliki Iran v usloviyakh globalizatsii* [Features of Development and Implementation of Regional Policy of the Islamic Republic of Iran in the Context of Globalization]. Nizhniy Novgorod: Nizhegorodskiy Gosudarstvennyy Universitet. 200 p. (In Russian)

Moulana Kh., Moakhmmadi M. 1387. *Siyasat-ye kharedzhi-yye dzhomkhuri-yye eslami-yye iran dar doulat-ye akhmadinezhad*. Tekhran: Nashr-ye dodgostar. 250 p. (In Farsi)

Mutakhhari M. 2008. *Iran i islam: Istoriya vzaimootnosheniy* [Iran and Islam: A History of Relations]. Per. s pers., primech. M. Makhshulova. Sankt Petersburg: Peterburgskoye Vostokovedeniye. 225 p. (In Russian)

Pantin V.I. 2011. Natsional'no-tsivilizatsionnaya identichnost': spetsifika Rossii [National and Civilizational Identity: Specifics of Russia.]. *Politicheskaya ekspertiza: POLITEKS*. 7(2). P. 42 – 51. (In Russian)

Persits M.A. 1999. *Zastenchivaya interventsia* [Shy Intervention] Moscow: Muravey-Gayd. 199 p. (In Russian)

Prokhorenko I.L. 2015. *Prostranstvennyy podkhod v issledovanii mezhdunarodnykh ot-nosheniy* [Spatial Approach in the Study of International Relations]. Moscow: IMEMO RAN. 111 p. (In Russian)

Reznikov A. 1983. *Iran: padeniye shakhskogo rezhima* [Iran: the Fall of the Shah's Regime]. Moscow: Politizdat. 160 p. (In Russian)

Ushakov V. 1997. *Vneshnyaya politika Islamskoy Respubliki Iran posle revolyutsii 1978 – 1979* [Foreign Policy of the Islamic Republic of Iran after the Revolution of 1978-1979]. Moscow. 542 p. (In Russian)

Ushakov V. 1999. *Iran i musul'manskii mir. 1979 – 1998*. [Iran and the Muslim World]. 1979-1998. Moscow: Middle East Institute. (In Russian)

Yurtaev V. 2012. *Osobennosti i realizatsiya vneshnei politiki Islamskoi Respubliki Iran v 1979 – 2010 gg.* [Features and implementation of the foreign policy of the Islamic Republic of Iran in 1979-2010]. Text of the doctoral dissertation. Moscow: People's Friendship University. (In Russian)

Список литературы на русском языке:

Агаев С. 1984. *Иран: Рождение Республики*. Москва: Наука. 336 с.

Ал-е Ахмад Дж. 1962. *Гарбзадеги*. Тегеран. 189 с.

Алиев С. 2004. *История Ирана. XX век*. Москва: ИВ РАН. 644 с.

Арунова М.Р. 2005. Четверть века исламской революции и советско-российско-иранские отношения (1979 – 2004). Н.Мамедова (ред). *Двадцать пять лет революции в Иране*. Москва: ИВ РАН.

Бастани-Паризи М.Е. 1968(1347). *Призыв к свободе: Жизнь Мошира ад-Доуле Пир-ния («Неда-йэ азади: Зендеги-йэ Моушир-од-Доуле Пирния»)*. Тегеран: Элми.

Боев Э.Б. 2017. *Идеология государственного национализма в Иране в период правления династии Пехлеви 1925-1979 гг.* Текст кандидатской диссертации. НГПУ. Нижний Новгород.

Гарйаг-Занди Д. 1395. Усул ва мабани-йэ сийасат-э хареджи-йе джумхури-йе эслами-йе иран: джустори дар мутун. Мохаммад Йазданфам. *Сийасат-э хареджи-йе джумхури-йе эслами-йе иран*. Тегран: Пожухешкаде-йэ мотталеат-э рохборди. С. 55 – 90.

Дехгани-Фирузабади Дж. 1388. *Сийасат-э хареджи-йе джумхури-йе эслами-йе иран*. Тегран: Саземан-э мотталеа ва тадвин-э кетаб-э улуъ-э энсани-йе данешгаха,

Идентичность: Личность, общество, политика. 2017. Энциклопедическое издание. Отв. ред. И.С. Семененко. ИМЭМО РАН. Москва: Издательство «Весь Мир». 992 с.

Кудряшова И.В. 2012. Политические измерения и трансформации идентичности в странах мусульманского Востока. *Политическая идентичность и политика идентичности: в 2 тт. Т. 2: Идентичность и социально-политические измерения в XXI в.* Москва: РОССПЭ. С. 155-184.

Кулагина Л. 1996. Основные направления внешней политики ИРИ на современном этапе. Н.Мамедова (ред.). *Ближний Восток и современность*. Москва: Институт Ближнего Востока.

Мамедова Н.М. 2010. Взаимные интересы России и Ирана: историческая эволюция и нынешний этап. Н.Мамедова (ред.). *Россия и исламский мир: историческая ретроспектива и современные тенденции*. Москва: ИВ РАН.

Мотовилов Ю. 2005. *Особенности выработки и осуществления региональной политики Исламской Республики Иран в условиях глобализации*. Нижний Новгород: Нижегородский Государственный Университет. 200 с.

Моулана Х., Моахммади М. 1387. *Сийасат-е хареджи-йе джумхури-йе эслами-йе иран дар доулат-е ахмадинежад*. Тегран: Нашр-е додгостар. 250 с.

Мутаххари М. 2008. *Иран и ислам: История взаимоотношений*. Пер. с перс., примеч. М. Махшулова. Санкт-Петербург: Петербургское Востоковедение. 225 с.

Пантин В.И. 2011. Национально-цивилизационная идентичность: специфика России. *Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС*. 7(2). С. 42–51.

Персиц М.А. 1999. *Застенчивая интервенция*. Москва: Муравей-Гайд. 199 с.

Прохоренко И.Л. 2015. *Пространственный подход в исследовании международных отношений*. Москва: ИМЭМО РАН. 111 с.

Резников А. 1983. *Иран: падение шахского режима*. Москва: Политиздат. 160 с.

Ушаков В. 1997. *Внешняя политика Исламской Республики Иран после революции 1978 – 1979*. Москва. 542 с.

Ушаков В. 1999. *Иран и мусульманский мир. 1979 – 1998*. Москва: Институт Ближнего Востока.

Федорова И. 2004. *Иран – США: диалог и противостояние*. Москва: ИВ РАН.

Хатами М. 2001. *Ислам, диалог и гражданское общество*. Москва: РОССПЕН. 130 с.

Хомейни Р. 1369. *Васийатнаме-йе сийаси*. Тегран. 50 с.

Хомейни Р. *Велайат-е факих*. Тегран. 112 с.

Юртаев В. 2012. *Особенности и реализация внешней политики Исламской Республики Иран в 1979 – 2010 гг.* Текст докторской диссертации. Москва: РУДН.